

Буфф

12+

Алексей Бородин

Алексей Бородин

Буфф

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородкин А. П.

Буфф / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

По российской глубинке путешествуют двое: Ганнибал Иванович Щепкин – маг и волшебник, и его молодой племянник (ученик по совместительству) Лука. И дела идут не так уж плохо. Даже хорошо. Чудно поёт соловей, зеленыя протянулись до горизонта, река перешептывается с ивами. Потом ученику приспело пообедать, а учителю – пошалить. А что делает маг, если ему неймётся пошалить? Верно! Устраивает театр. И не простой театр, а буффонаду. Шутовство. Индюк становится лакеем, дворовая девка – Джульеттой, зрители превращаются в баранов... или наоборот?.. Разобраться в хитросплетениях этой безумной истории трудно, но читать очень весело и интересно.

© Бородкин А. П., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Предупреждение: Автор рассчитывает на наличие у читателей некоторого воображения. Лицам, не обладающим этим качеством, чтение рассказа противопоказано.

"О, великая русская дорога! Сколько слов о ней сказано, а сколько ещё предстоит сказать! Ты посмотри на эту грязь. Посмотри, как она блистает, сколько оттенков она имеет! Тысячи! Тысячи оттенков чёрного. Куда там французикам с их оттенками серого. Они просто дети супротив нас. А сколько лотосов произросло из нашей грязи? Из этих самых дорог? Ты знаешь, мой мальчик, что Пушкин написал своего "Медного всадника" в пути. Он ехал их Харькова в Петербург... кажется... или это было не в Харькове?.. Неважно. А Гоголь? Большая часть "Мёртвых душ" была написана на коленях, на маленьком дорожном чемоданчике, покуда бричка плелась из Ростова в Новгород... быть может, по этой самой дороге по которой мы сейчас идём. Да-да, вообрази себе. Оставшуюся, незначительную часть, Гоголь дописывал трактирах и на постоянных дворах... кои также являются частью дорожного тракта..."

Так рассуждал пожилой человек, в затёртом линялом пиджаке и стоптанных ботинках. Рядом с линялым господином шагал парень лет осемнадцати. Одет он был столь же паршиво, однако блеск во взгляде, румянец на щеках и улыбка на губах ретушировали эту потрёпанность, как скрывает милый розовый цвет острые колючки шиповника.

Линялый подумал, что жрать (простим ему это грубое слово, навеянное долгой дорогой) хочется немилосердно, и в тот же миг, будто в подтверждение мыслей, в желудке молодого спутника громко заурчало.

– Неплохо бы перекусить.

– Неплохо.

– Мои кишки показывают друг другу фиги.

– Мои внутренности культурнее твоих, но и они не испытывают оптимизма.

Путники перешли через неширокую реку (по деревянному мосту), миновали тополиную посадку и двинулись по меже, что разделяла два запаханных поля. Они устремились к лугу, за которым виднелся бор.

Молодой человек вдруг вскинул палку (на которой он нёс котомку), прицелился и сказал "пух!", имитируя выстрел. Для правдоподобности он дернул "ружьём", будто удерживая отдачу.

В вышине пискнула сойка и камнем рухнула к ногам путников.

– Зачем ты это сделал? – озадаченно спросил старик.

Молодой посмотрел на палку (не веря своей удаче), перевёл взгляд на сойку, потом на своего спутника.

– Я хотел пошутить!

– Ах, Лука, Лука! – пожилой вздохнул. – Ты молод и это многое извиняет, однако в твоём возрасте уже пора понимать, что хорошая шутка убивает сильнее пули. Она бьёт дальше и точнее. Стены и кривые переулки для неё не помеха. – Оба склонились над поверженной птицей. – Ладно бы ты подстрелил утку или гуся... – старик причмокнул, – это было бы совсем другое дело. В Задонске, на выселках, жила одна вдова, она великолепно умела приготовить гуся... в качестве начинки использовала антоновские яблоки вперемешку с гречневой крупой. Главное не забыть прибавить...

Что же считается главным в приготовлении гуся, линялый не успел поведать. Навстречу путникам неслась босоногая девка, сверкая коленями. От быстрого бега платок её сбился, волосы металась над головой, как змеи мадам Горгоны. "Нельзя! Нельзя!" – кричала девица, размахивая руками.

Подбежав и отдышавшись, девушка сообщила, что ЭТО (речка, запашка, луга и бор) – имение её барина. А барин категорически не любит цыган, и вообще:

– Всяких таких бродячих, – девица критически осмотрела путников. – Сказывал передать, что даёт вам полчаса, чтобы уйтить.

– Так и сказал? – уточнил молодой.

– Не-а! – девица хитро подмигнула. – Сказал он вот как: "Если эти засранцы не уберутся сию же секунду, я спущу собак! Всю свору вместе с Лютым! А после опробую на точность новую аглицкую винтовку!" Вот как они-с сказывали.

Пожилой почесал в затылке, буркнул, что первоначальная девичья версия была несколько гуманнее. Подумав, попросил передать, что они-де немедленно покинут имение барина...

– Как его фамилия?

– Граф Разбежимский-Черномазов.

– Мы немедленно покинем владения этого замечательного человека. Лишь только отбедаем во-он на том лужку. От этих замечательных видов у меня аппетит разыгрался не на шутку. Доложи графу, что его обеспокоили философ Щепкин, Ганнибал Иванович, это я, – пожилой поклонился, – и его ученик Лука. Вот, передай графу мою визитную карточку.

Девица без интереса посмотрела на клочок бумаги, пожала плечами и отправилась в обратный путь. Мужчины внимательно разглядывали её белые стройные икры, розово-грязные пятки, тонкую талию и высокую чистую шею. Лебёдушка, хотел сказать пожилой, но постеснялся своего возраста, спросил, как девушка показалась молодому?

– Бойкая чрезмерно, а так ничего. Впрочем... мне трудно судить.

– Хм! – Ганнибал Иванович поднял плечи, отчего стал похож на мудрого филина. Сходство усиливалось раскидистыми бровями старика. – Ты слишком холоден, мой мальчик, это нехорошо. В твоём возрасте я просто кипел. Искры летели по сторонам! Ты говоришь, она ничего... Ничего себе ничего! Она просто красавица! Полагаю, она станет нашей главной героиней!

– Дядя, ты опять?

– Опять, Лука, опять! Я чувствую в себе волнение Природы. Богиня весны Истра бродит по моим жилам, горячит кровь, туманит разум... к тому же необходимо, наконец, поесть и помыться. Привести себя в божеский вид, сходить в баню. В конце концов, я культурный человек. А ты... ты влюбишься в девчонку, станешь страдать... как и полагается по возрасту. Занятия философией иссушили твой разум, а посему... – Щепкин сделал жест, коим королева отгоняет муху, – никаких занятий в последующие дни. Только чюйства! – Он так и произнёс: "чюйства" и поднял указательный палец.

– Я? – опешил молодой. – Любить? Страдать? Никогда! Во-первых, она мне не симпатична, а во-вторых...

– Во-вторых, – перебил старик, – ты влюбишься без памяти.

Рассуждая и пререкаясь подобным образом, путники добрались до луга, где, выбрав наиболее живописное местечко, опустились на траву.

Место и впрямь заслуживало дополнительного описания. Одной своей стороной луг, как уже было сказано, примыкал к сосновому бору, другой – выходил к реке. Река в том месте делала петлю, была мелководна спокойна и широка. Сбоку от соснового леса, чуть в отдалении виднелось трёхэтажное здание, вероятно, это и была резиденция графа. По странной прихоти владельца (или исходя из его страсти к оригинальности) строение более напоминало средневековый замок, нежели традиционную русскую усадьбу – широкую и хлебосольную. Вверх торчали острые башенки, развевались флаги, узкие бойницы смотрели по сторонам угрюмо и насторожено, словно ожидая атаки. Центральные ворота, закрывающие вход во двор (с конюшнями, людской, погребами и всеми остальными постройками), представляли собой опускающуюся на цепях кованую решетку.

– Ах, Лука! – возликовал Щепкин, – ты посмотри, как замечательно складывается! У нас есть сцена, – он указал на луг. – У нас есть замок. Есть героиня... кстати, ты не подумал, как её зовут? Ай, не трудись, я уже выдумал ей имя. Джульетта, её будут звать Джульетта.

– Дворовая девка Юлька, – вполголоса прибавил Лука.

– ...Она танцует и поёт под куполом шапито, – продолжал Щепкин, – и мечтает стать актрисой. Всемирно известной актрисой, такой как Ермолова. Хочет сыграть леди Макбет и...

С пригорка спускались утки. По берегу они шли неловко, переваливаясь и галдя, но, лишь вступали в воду, плыли ловко и быстро. На возвышении стоял годовалый индюк, повесив очаровательного вида "серёжку" и наблюдая за утками.

– А вот и он! – сказал Щепкин.

– Кто?

– Самый главный лакей! Ты только посмотри на этого пустоголового индюка! Он, как нельзя лучше подойдёт на эту роль! Ты должен придумать ему имя, Лука. И больше фарсу, мой мальчик. Индюк полагает, что он француз... или итальянец?

– Тогда пусть зовётся... – в глазах Луки вспыхнула искра, он поддался настроению учителя, – Теодор де Румпиньи!

Щепкин расхохотался: "Браво!" Сказал, что при рождении дворецкому было наречено имя Тифон Рюшкин, но это не помешало ему отыскать в своём семействе благородные корни: "В Смоленской губернии и не такое найдётся! Стоит только ковырнуть!"

– Всем рассказывает байку, что он незаконнорожденный сын французского князя Румпиньи. – Щепкин прищурился. – По утрам опрыскивает щёки одеколоном, и брезгливо морщится, когда стаскивает с хозяина грязные сапоги.

Около замка наметилось движение. Послышался лай собак – неясный и совсем незлой на таком значительном расстоянии. Щепкин сказал, что нужно торопиться, Лука согласно кивнул.

– Что скажешь за баранов? – учитель указал на небольшое стадо, щиплющее травку.

– Кучерявые.

– Это зрители!

– Это? – удивился Лука. – Зрители? Они больше похожи на...

– На баранов, – закончил Щепкин. – На кого ещё могут быть похожи бараны? Это ничего. Не всякий зритель баран, и не всякий баран зритель... А вообще их иногда так сложно различить.

Через поле, высунув язык и радостно повизгивая, бежал огромный чёрный пёс. Он выдался вперёд от основной стаи, и Щепкин предположил, что именно этому и радуется зверюга. Лука возразил, что скорее пёс радуется возможности вонзить клыки в филейные места.

– В чьи? – спросил учитель, округлив глаза до геометрического абсолюта. – В наши? – Он спрятался за спину ученика и попросил: – Торопись, Лука, торопись! Пора начинать! Мы не решили, кем будешь ты? Клоуном? Учеником мага?

Лука взъерошил волосы и ответил, что не хочет – однообразие ему претит:

– Уж коли ты затеваешь представление, позволь я буду осветителем.

– Мудро! – оценил учитель. – Ты будешь парить над сценой... невидимый и неслышимый, как ангел, но без твоего умения спектакль не состоится. Очень мудро. Ух! – погрозил пальцем, – хитёр, бродяга! Эдак ты переплунешь меня, Луис.

– Луис?

– Так тебя будут звать.

Щепкин оглянулся на приближающегося пса и, попросив разрешения: "Ты позволишь?", взял в руки посох. Лука сказал, что тот больше не стреляет – патроны кончились. Щепкин ответил, что этого ему и не потребуется: пулять в живых существ – дурной тон. Щепкин взмахнул шестом, и моментально, откуда-то сбоку, стрекотнул заяц – помчался через луг наперерез. Пёс

(это был Лютый) немедленно переменил направление – ещё несколько мгновений его длинный язык указывал розовою лентой в сторону учителя и ученика, – и помчался за новой добычей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.